

© 2018 г.

А.В. МАЛЬКО

Н.В. КРОТКОВА

Д.А. ЛИПИНСКИЙ

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМЕ “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”, “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, “ВЕКТОР НАУКИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ” НА ТЕМУ “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ”¹

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН (Саратов, Россия) (E-mail: i_gp@ssla.ru).

Кроткова Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН (Москва, Россия) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры “Конституционное и административное право” Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия) (E-mail: Dmitri8@yandex.ru).

Malko Alexander V. – Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, Director of the Saratov branch of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences (Saratov, Russia) (E-mail: i_gp@ssla.ru).

Krotkova Natalya V. – PhD in Law, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Lipinsky Dmitry A. – Doctor of Law, Professor, professor of the department “Constitutional and Administrative Law” of Tolyatti state University (Togliatti, Russia) (E-mail: Dmitri8@yandex.ru).

Аннотация: в статье приведен обзор Всероссийской научно-практической конференции, проходившей 11–13 апреля 2017 г. в Тольяттинском государственном университете. Предметом обсуждения стали отдельные направления правовой политики в сфере юридической ответственности, в том числе конституционной, административной, уголовной, уголовно-исполнительной, финансово-правовой. Участниками конференции определялись отдельные направления правовой политики в сфере юридической ответственности, а также рекомендации по ее совершенствованию и действующего законодательства.

Abstract: the article gives an overview of the All-Russian scientific and practical conference held in April 11–13, 2017 in Tolyatti state University. The subject of discussion were separate areas of legal policy in the field of legal responsibility, including constitutional, administrative, criminal, criminal-executive, financial and legal. Participants of the conference defined certain areas of legal policy in the field of legal responsibility, as well as recommendations for its improvement and the current legislation.

Ключевые слова: концепция правовой политики, юридическая ответственность, виды юридической ответственности, виды правовой политики, концепция юридической ответственности.

Key words: concept of legal policy, legal liability, types of legal responsibility, types of legal policy, Concept of legal responsibility.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ проект № 17-03-00022 “Альтернативные санкции в механизме дифференциации и индивидуализации юридической ответственности”. The article was supported by the RFBR project No. 17-03-00022 “Alternative sanctions in the mechanism of differentiation and individualization of legal liability”.

11 апреля 2017 г. в Институте права Тольяттинского государственного университета прошла Всероссийская научно-практическая конференция в форме “круглого стола” журналов “Государство и право”, “Правовая политика и правовая жизнь”, “Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки”

на тему “Правовая политика в сфере юридической ответственности”. В работе конференции приняли участие ученые из Астрахани, Иркутска, Москвы, Оренбурга, Самары, Тольятти и других городов России.

Директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько и доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), канд. юрид. наук Р.С. Маркунин в своем выступлении отметили, что в ходе разработки концепции правовой политики в сфере юридической ответственности может быть активно использован системный подход, способствующий получению новых знаний и более глубокому исследованию (в том числе) ответственности органов публичной власти.

Публичную власть в государстве олицетворяют ряд субъектов, среди которых особое место занимает Президент РФ. Использование системного метода обязывает нас установить и проанализировать отдельные элементы системы ответственности главы государства, к которым можно отнести следующие: 1) субъект ответственности; 2) основания ответственности; 3) меры ответственности; 4) процедура привлечения к ответственности.

1. Субъект ответственности необходим для построения полноценной системы. Президент РФ выступает особым субъектом, имеющим свой уникальный правовой статус со свойственными ему иммунитетами, гарантиями и полномочиями. Однако данные элементы не систематизированы в действующем законодательстве. В этой связи необходимо принятие федерального конституционного закона о статусе Президента РФ, в котором были бы закреплены основные права, обязанности, четкий перечень имеющихся гарантий и особенности их правового регулирования.

2. Норма, закрепленная в ст. 93 Конституции РФ, говорит о таких основаниях привлечения к ответственности, как государственная измена или совершение иного тяжкого преступления. Подобная формулировка вызывает лишь недоумение, поскольку включает в себя исключительно тяжкие преступления, хотя ст. 15 УК РФ предусматривает несколько групп преступлений. Получается, что глава государства, совершивший преступление средней тяжести или особо тяжкое, может оставаться в своей должности. Вышеуказанный анализ оснований показывает их неработоспособный и половинчатый характер. На современном этапе сыграло бы свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно: “в связи с совершением деяний, несовместимых со статусом главы государства”.

3. Говоря о мерах ответственности, следует отметить, что в ст. 93 Конституции РФ зафиксирована мера в виде импичмента (отрешения от должности), которая является пространственной за рубежом. Иные меры ответственности применяются к Президенту РФ наравне с обычным гражданином в случае снятия с него неприкосновенности. Отрешение от должности в качестве меры ответственности явно недостаточно и вредит гибкости всей системы ответственности. Следует предусмотреть возможность установления и иных, более мягких мер, например официальное предупреждение со стороны парламента. Благодаря закреплению разного рода ограничительных и предупредительных мер ответственности можно гарантировать работу главы государства в пределах законодательства.

4. Существующая процедура отрешения президента от должности чрезмерно усложнена, в ее реализации задействованы многие органы публичной власти. Действующая Конституция РФ также установила такие основания для постановки вопроса об отрешении от должности, при которых оно нереализуемо на практике. Процесс отрешения от должности сводится к трем этапам с участием четырех государственных органов, которые являются коллегиальными, что лишь затягивает принятие решения. В этой связи необходимо изменить имеющуюся процедуру, сделав ее практически осуществимой в реальных условиях. В этом вопросе следует обратиться к зарубежному опыту, где встречается процедура, при которой отрешение от должности президента происходит при наличии обвинения со стороны лишь двух палат парламента (как, например, в Италии, Польше, США).

Таким образом, на сегодняшний день система ответственности главы государства в нашей стране не выстроена должным образом. Каждый элемент системы требует соответствующих изменений, которые должны быть отражены на законодательном уровне. Без проведения подобных мероприятий не удастся выстроить систему ответственности как президента, так и органов публичной власти в целом.

Проректор Самарской гуманитарной академии по научной работе, доктор юрид. наук, проф., почетный работник высшего профессионального образования РФ В.К. Дуюнов в своем выступлении остановился на проблемах предмета, пределов и расстановки акцентов в дискуссии о юридической ответственности.

Чтобы дискуссия была продуктивной, прежде всего следует определиться в понятиях, в особенности тех, что влияют на предмет дискуссии (и, соответственно, исследований) и определяют их содержание. Ранее в рамках дискуссий о “правовой политике в сфере юридической ответственности” мне уже доводилось высказывать сомнения в правомерности терминологических оборотов “сфера юридической ответственности”, “сфера функционирования видов юридической ответственности”, “сфера оснований юридической ответственности”, “сфера мер юридической ответственности” и т.д.

Термин “сфера” предполагает определение пределов, которые в теоретических конструкциях, каковыми, по сути, являются анализируемые нами понятия, что весьма затруднительно, если вообще возможно. В частности, следует ли относить к “сфере юридической ответственности” такие институты, как освобождение от ответственности, обстоятельства, исключающие преступность деяния, и другие, которые ее исключают, но без которых исследование проблем юридической ответственности будет неполным? Такой же вопрос встает в отношении экономических, социальных, политических, духовно-нравственных и иных отношений в обществе, от которых во многом зависят характер, содержание, пределы и другие параметры юридической ответственности.

На наш взгляд, эти вопросы “не помещаются” в упомянутую “сферу”, и говорить о какой-то качественно обособленной “сфере юридической ответственности” или иных упомянутых выше теоретических конструкциях достаточных оснований нет. Есть феномен юридической ответственности и большой круг вопросов, связанных с определением ее сущности, содержания, пределов, оснований,

видов и т.д., которые нуждаются в дальнейших исследованиях и в изучении которых важно правильно расставить акценты и приоритеты.

В частности, приоритетным следует признать тот несомненный факт, что юридическая ответственность — это следствие правонарушения, без которого она лишена смысла; почти все ее параметры определяются параметрами правонарушающего поведения, поэтому рассматривать ее нужно прежде всего в этом качестве — как производное такого поведения и объективно складывающейся криминальной (в широком смысле, включая как преступления, так и иные правонарушения) ситуации в целом. Вопросы юридической ответственности неразрешимы без достаточно четкого, полного и правильного представления о том, за что, за какое поведение должна наступать юридическая ответственность.

Не умаляя значения других аспектов проблематики юридической ответственности, представляется правильным первостепенное внимание уделить именно этим аспектам и вести речь о реально существующей, большой, важной и весьма проблемной “сфере” противоправного поведения человека и разрабатывать “Концепцию правовой политики противодействия преступлениям и иным правонарушениям”, частью которой может быть только политика “в сфере” их последствий, в том числе и “в сфере” юридической ответственности.

Профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук, проф. Д.А. Липинский акцентировал внимание на проблемах правовой политики в части реализации принципа индивидуализации юридической ответственности. Одним из правовых средств индивидуализации выступают альтернативные санкции.

Анализ действующего законодательства показывает, что альтернативные санкции закрепляются законодателем без должного научного обоснования. Так, некоторые санкции до такой степени альтернативные, что дают возможность назначать наказание от штрафа до восьми лет лишения свободы. Между тем правонарушение обладает типовой степенью общественной опасности (по терминологии некоторых авторов, “вредности”), но типовая общественная опасность не может быть настолько “безразмерной”, что за правонарушение устанавливается наказание от штрафа до многолетнего лишения свободы. Ряд санкций формально носят альтернативный характер, а фактически — безальтернативный, так как предусматривают наказания, взыскания и т.п., которые не применяются, так как не созданы условия для их реализации. Отсутствие четкой системы альтернативных санкций, обеспечивающих реализацию принципа индивидуализации, негативным образом сказывается на состоянии законности и правопорядка, ведет к нарушениям прав и свобод граждан и юридических лиц, что в конечном счете приводит к утрате доверия со стороны граждан к государству, государственным органам и государственным служащим.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно отмечал, что индивидуализация — общий принцип юридической ответственности. Следовательно, подобного рода законодательное положение дел противоречит таким основополагающим началам, как индивидуализация и дифференциация юридической ответственности, а также

свидетельствует о недостаточности разработанности данной проблемы в юридической науке. Отсутствие альтернативных санкций, как и чрезмерная перегруженность санкции различными мерами воздействия, может вести к нарушению принципа индивидуализации юридической ответственности, а следовательно, и принципа справедливости.

Одновременно важен и сам механизм обеспечения реализации принципа индивидуализации юридической ответственности, при исследовании которого необходимо установить, выполняют ли должную функцию в деле обеспечения дифференциации и индивидуализации юридической ответственности относительно определенных санкции и другие правовые средства при отсутствии альтернативности в санкции.

В последнее десятилетие сильный импульс в своем развитии переживает теория позитивной юридической ответственности (в качестве меры позитивной юридической ответственности мы рассматриваем поощрения, закрепленные в особой разновидности — поощрительных санкциях, применяемых за социально-активное, правомерное поведение). И как должна быть дифференцирована и индивидуализирована юридическая ответственность за правонарушение, также должна быть индивидуализирована и дифференцирована позитивная юридическая ответственность. При этом поощрительные меры в действующем законодательстве слабо систематизированы, расплывчатый характер носят основания их применения, часто они безальтернативны, что вызывает необходимость детальной теоретической разработки данной проблемы в отечественной правовой науке, а также изучения и обобщения практики применения указанных видов санкций, формулирования на этой основе выводов и рекомендаций. Разработка теоретической концепции альтернативных санкций в механизме обеспечения реализации принципа индивидуализации юридической ответственности будет способствовать формированию отраслевых теорий, не противоречащих друг другу, а также единству понятийного аппарата. При этом очевидно, что основу для отраслевых теорий индивидуализации и дифференциации должна заложить такая наука, как теория государства и права.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского национального исследовательского университета, доктор юрид. наук Ю.В. Оспенников остановился на проблемах антикоррупционной правовой политики в Московском государстве XVI в.

В Московском государстве XVI в. одной из наиболее актуальных проблем являлось противодействие коррупционным правонарушениям. Однако в Судебнике 1550 г. говорить о комплексном подходе решения проблемы коррупции не приходится — в нём были только намечены некоторые способы противодействия, многие из которых оказались недейственными². При этом из поля зрения исследователей часто выпадают другие источники права, среди которых особое значение имеют губные и земские уставные грамоты. Эта группа источников содержит многочисленные свидетельства административно-судебного

² См. подробнее: *Оспенников Ю.В.* Проблема ответственности судебных чиновников по Судебнику 1550 г. // Вектор науки Тольяттинск. гос. ун-та. Сер.: Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 93–96.

произвола, от которого страдало население, и вследствие которого поступали просьбы предоставить правовую защиту³, а их анализ позволяет существенно расширить наши представления о способах противодействия коррупции в московском праве XVI в.

Среди мер по противодействию коррупции на первое место должна быть поставлена выдача уставных грамот. Появление уставной грамоты создавало определённые правовые основы, в некоторой степени препятствовавшие коррупционным проявлениям. В частности, в таких грамотах закреплялись функции и полномочия должностных лиц, размеры и порядок взимания “корма” на содержание административно-судебного аппарата⁴, количество должностных лиц, необходимое для выполнения их функций в соответствующей местности⁵, и т.п. Чтобы избежать злоупотреблений при сборе “корма”, в уставные грамоты включалось положение, предписывавшее собирать его выборным от местного населения и запрещающее собирать его непосредственно самим должностным лицам.

Эти и сходные с ними способы объединяет направленность на предупреждение коррупционных правонарушений. В случае выявления такого рода деяний могло применяться отстранение от должности, о чём встречаются прямые упоминания в уставных грамотах⁶.

Однако отстранение от должностей дискредитировавших себя чиновников не решало саму проблему и не устраняло возможность новых аналогичных преступлений. Судя по уставным грамотам XVI в., правительство хорошо понимало это и искало другие пути решения проблемы. Одним из таких подходов стала замена назначаемых должностных лиц выборными должностями, что прописывается практически во всех известных губных грамотах (старостами, десятскими, пятидесятскими, сотскими)⁷.

В рамках этого же подхода уставные грамоты стремятся обеспечить публичность суда, осуществление правосудия с участием представителей общества (“а без добрых людей суда никакого не судити”⁸), что создавало объективные препятствия для властного произвола представителей административно-судебного аппарата.

³ См.: Уставная Пермская грамота 1553 г. // Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821.

⁴ См.: Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 192.

⁵ См.: там же. С. 193.

⁶ См.: Грамота уставная, данная Соли Переславской посадским людям 11 августа 1555 г. // Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 110.

⁷ См.: Губная Белозерская грамота 1539 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб., 1836. С. 163–165; Губная Каргопольская грамота 1539 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: X в. – 1611 / сост. Я. Бердников и М. Коркунов. СПб., 1846. С. 32, 33; и др.

⁸ Уставная грамота крестьянам Моревской слободы 1530 г. // Там же. С. 24.

Эффективное противодействие коррупции невозможно без активного содействия со стороны широких общественных кругов, поэтому в московском праве XVI в. предусматривались меры материального поощрения для тех, кто сообщил о противоправных действиях, в том числе о коррупционных правонарушениях.

Таким образом, антикоррупционная правовая политика Московского государства XVI в. предполагала большое разнообразие способов противодействия коррупционным правонарушениям, которые могут быть распределены по двум группам: к первой относились способы, прежде всего направленные на предупреждение коррупционных правонарушений, такие как выдача уставных грамот, определение размеров и порядка сбора пошлин, обеспечение публичности суда; меры материального поощрения для тех, кто сообщал о противоправных действиях; предписания для чиновников следить друг за другом с целью выявления коррупционных правонарушений; ко второй группе относились меры воздействия на лиц, уже уличённых в коррупции: отстранение от должности, взыскание ущерба с должностных лиц, уголовно-правовое наказание вплоть до смертной казни и др.

Доцент кафедры “Теория и история государства и права” Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук В.В. Романова отметила, что особую значимость в последнее время приобретает правовая политика в сфере международной ответственности.

Современный мир переживает глобальные изменения, затрагивающие практически все сферы межгосударственного взаимодействия. Субъекты международно-правовой политики объективно руководствуются собственными интересами, в частности любое государство стремится укрепить свою позицию на международной арене, защитить собственную независимость и территориальную целостность. Не редки случаи применения для достижения вышеуказанных целей незаконных средств.

Особый интерес поэтому представляет вопрос о порядке привлечения субъектов международного права к юридической ответственности. Первым постоянным международным органом уголовного правосудия, созданным на основе договора между государствами, является Международный уголовный суд. В его компетенцию входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления, преступления против человечности. Данный Суд создан для того, чтобы не допустить ситуации безнаказанности лиц, совершивших самые серьёзные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества в целом.

Однако ряд стран принципиально возражает против самой идеи международного суда как ограничивающей суверенитет государств и дающей неопределённо широкие компетенции суду (США, Китай, Индия, Израиль и Иран).

Российская Федерация подписала Римский статут 13 сентября 2000 г., но так и не ратифицировала его и, таким образом, государством – участником Международного уголовного суда не являлась. При этом Россия сотрудничала с Международным уголовным судом и участвовала в его работе в качестве наблюдателя. Однако 16 ноября 2016 г. Президент РФ В.В. Путин издал распоряжение “О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда”. В связи

с вышеизложенным встает вопрос о необходимости создания нового специального юридического органа, который на постоянной основе занимался бы уголовным преследованием лиц, ответственных за совершение преступлений геноцида и других преступлений аналогичной тяжести.

Доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Е.В. Чуклова обратила внимание на то, что создание эффективного механизма правового регулирования процессуальных отношений возможно только посредством научно обоснованной и системной деятельности государственных органов при использовании современных юридических средств.

Основные задачи правовой политики в сфере процессуальной ответственности заключаются в укреплении дисциплины и правопорядка в рамках гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства, наиболее полного обеспечения прав и интересов граждан и юридических лиц, обратившихся за судебной защитой, а также лиц – участников уголовного процесса.

В настоящее время основными методами осуществления правовой политики в сфере процессуальной ответственности выступают убеждение, принуждение и поощрение. Можно отметить, что меры процессуального принуждения нашли свое отражение в административно-процессуальном законодательстве, а меры убеждения и поощрения не нашли закрепления в процессуальном законодательстве. Правовая политика в сфере процессуальной ответственности в своей основе базируется на следующих элементах: правотворчество, правоприменение, правовое воспитание.

С принятием Кодекса административного судопроизводства в российском процессуальном законодательстве появился институт процессуального принуждения, закрепляющий в том числе и меры процессуальной ответственности. Что касается правового воспитания, то учебники по гражданскому, арбитражному, уголовному процессу практически не содержат разделов, посвященных процессуальной ответственности, что является неприемлемым.

На наш взгляд, одним из направлений правовой политики в сфере процессуальной ответственности должны стать повсеместное включение в учебники, учебные курсы разделов, посвященных процессуальной ответственности, унификация мер процессуальной ответственности в рамках не только административного, но также гражданского и арбитражного судопроизводства.

Доцент кафедры “Конституционное и административное право” Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А.Н. Станкин отметил, что большинство исследователей к мерам конституционной ответственности справедливо относят отрешение Президента РФ от должности. Однако в процедуре импичмента есть ряд проблемных моментов. Порядок отрешения президента от должности регламентируется ст. 93 Конституции РФ, согласно которой в процедуре отрешения задействованы обе палаты парламента, Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ.

Соответственно, вопросы выдвижения обвинения регулируются регламентами палат парламента; процедура дачи заключения о соблюдении процедуры отрешения

Конституционным Судом регламентируется соответствующим федеральным конституционным законом.

Что касается Верховного Суда РФ, то закон лишь обозначает его полномочие выносить заключение о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления при выдвижении Государственной Думой Федерального Собрания РФ обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления.

При этом в регламенте Верховного Суда нет даже упоминания о такой процедуре. Очевидно, что принятию выдвижения обвинения и отрешению президента от должности должны предшествовать сбор доказательств, в том числе опрос свидетелей, проведение экспертиз и т.д. Остается неясным, как специальная комиссия, образованная Думой, будет проводить такие мероприятия, поскольку законодательно данный вопрос не урегулирован.

Безусловно, президент, как и любой гражданин, имеет право на защиту, в том числе право на дачу показаний, предоставление доказательств, ознакомление с материалами дела и т.д. Эти и другие вопросы должны быть урегулированы законодательно. Пока же весьма широкие полномочия президента не сбалансированы возможностью привлечения его к конституционной ответственности.

Начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, канд. юрид. наук, доц. Д.Э. Марченко выступил по проблемам уголовно-исполнительной политики в сфере юридической ответственности.

Главные направления российской уголовно-исполнительной политики определяются законодательством, а также рядом принятых Правительством РФ правовых актов, к которым в первую очередь можно отнести Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года с внесенными в нее изменениями, а также Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р, утвердившее Концепцию федеральной целевой программы “Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)”.

Главными целями уголовно-исполнительной политики являются:

сокращение рецидива преступлений, которые совершаются осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы, используя методы социальной и психологической работы, а также с помощью проведения в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных;

гуманизация условий, в которых содержатся осужденные к лишению свободы, а также условий для лиц, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России.

На сегодняшний момент в деятельности уголовно-исполнительной системы имеется много проблем, связанных с реализацией указанных целей, в том числе в области обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, носящие системный характер.

В ближайшей перспективе необходимо решение следующих задач:

строительство и реконструкция следственных изоляторов, в которых на основе действующего законодательства должны быть обеспечены необходимые условия содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

увеличение количества лечебных и лечебно-профилактических учреждений, деятельность которых направлена на содержание осужденных, страдающих туберкулезом, наркоманией и алкоголизмом;

увеличение количества рабочих мест, сокращение пенициарной безработицы в исправительных учреждениях;

принятие мер по обеспечению продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы России.

Заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России, канд. юрид. наук, доц. Р.Р. Хаснутдинов свое выступление посвятил методам построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности.

Построение концепции правовой политики в сфере юридической ответственности является сложным многогранным процессом, успех которого во многом зависит от методов его осуществления. В этой связи он ориентировал свое исследование на поиск оптимального варианта методов построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, с одной стороны, и анализа соответствующего понятийного аппарата – с другой.

Исходя из очерченных таким образом границ, автор прежде всего определил понятие концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, опираясь при этом на понятие концепции в целом. В результате концепцию правовой политики в сфере юридической ответственности он сформулировал как форму реализации разработанной соответствующей теоретической конструкции.

Руководствуясь сформулированной дефиницией, а также учитывая накопленный в рассматриваемом отношении научный опыт, в состав оптимального варианта методов построения данной концепции было предложено включить системно-структурный метод, метод адаптации, метод моделирования и метод проектирования. Так, системно-структурный метод позволяет сконструировать структуру той или иной концепции как системное образование. Метод адаптации – один из вариантов наполнения структурных компонентов соответствующей концепции содержанием. С помощью этого метода можно адаптировать (приспособить, преобразовать) полученные результаты своих конкретно-научных исследований к содержанию структурных компонентов разрабатываемой в этом отношении концепции. Подобная адаптация достигается посредством компрессии и трансформации научного текста. Метод моделирования базируется на разработке и использовании моделей. Он предполагает построение абстракций, умозаключения по аналогии, конструирование научных гипотез и др. Посредством метода проектирования создается прототип, прообраз предполагаемого или возможного объекта. Проектирование осуществляется различными методами, что зависит от цели проектирования и характера решаемой проблемы. В случае проектирования концептуальных конструкций как неких системных образований Р.Р. Хаснутдинов предложил применять дивергенцию, трансформацию и конвергенцию.

Заместитель директора Института права Тольяттинского государственного университета по развитию, канд. юрид. наук П.А. Румянцев обратил внимание на проблемы либерализации уголовной ответственности за преступления против свободы, чести и достоинства.

Либерализация уголовного законодательства, периодически сменяемая усилением репрессивных мер, не могла не коснуться преступлений против свободы, чести и достоинства личности. При этом для данной группы преступлений гуманизация ответственности включала в себя различные меры. К ним можно отнести как снижение верхнего предела санкции и перевод преступлений в категорию меньшей тяжести, так и исключение некоторых квалифицированных составов. Оставшиеся из них также подверглись законодательным изменениям за счет добавления альтернативных лишения свободы видов наказания, что фактически является одним из элементов либерализации.

В 2011 г. была произведена и попытка декриминализации преступных деяний. Однако осуществление обратной криминализации клеветы по истечении почти полугода с момента ее перевода в разряд административных проступков выбивается из общей логики. Обоснованием декриминализации оскорбления и клеветы выступало то, что, по мнению субъекта законодательной инициативы – Президента РФ, по степени общественной опасности они более соответствовали деяниям, предусмотренным КоАП РФ, а не УК РФ.

Что же могло произойти за восемь месяцев, чтобы изменилось мнение законодателя в отношении клеветы на диаметрально противоположное? Что скрывалось за криминализацией клеветы: исправление ранее допущенной ошибки или применение репрессивных мер в ответ на политическую нестабильность в стране? В качестве основания усиления ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство личности, было заявлено, что закрепленные санкции в ч. 1 ст. 5.60 “Клевета” КоАП РФ в виде штрафа для граждан в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей являются неэффективными. Однако за такой короткий промежуток времени достаточно сложно оценить эффективность меры наказания, и даже при резком всплеске клеветнических деяний ничто не мешало законодателю увеличить штрафные санкции, как это произошло в случае с оскорблением.

Как представляется, в отказе от либерализации уголовной ответственности в отношении клеветы прослеживается лакирование дефектов законотворческой практики, в частности неспособности депутатского корпуса отстаивать собственную позицию, расходящуюся с мнением главы государства. С изменением в высшем руководстве страны у депутатов появилась возможность обратной криминализации клеветы, чем они и воспользовались.

Таким образом, очевидно, что правовое регулирование уголовной ответственности за преступления против свободы, чести и достоинства личности в контексте ее либерализации/ужесточения имеет сильную зависимость от политических процессов, происходящих в стране, что при реализации уголовной политики России становится уже обычным явлением.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, канд. юрид. наук, доц. И.А. Кузьмин в своем докладе остановился на проблемах сравнительно-правовых исследований юридической ответственности.

Юридическая ответственность относится к основным категориям правоведения, обладает многочисленными существенными особенностями, а также исключительной

ценностью для доктрины и практики. Общая теория юридической ответственности является самостоятельным элементом общей теории права и основывается на объективных основаниях, которые следует учитывать при исследовании проблематики юридической ответственности.

Особенности компаративных изысканий в области общей теории юридической ответственности зависят от ряда факторов, среди которых: употребление термина “ответственность” в законодательстве и ее дефиниция, факт и уровень разработанности теории ответственности, наличие сравниваемых аспектов юридической ответственности, особенности толкования элементов теории юридической ответственности, степень эффективности правоприменительной деятельности и уровень пораженности коррупцией в соответствующих государствах, правовые системы которых охватываются сравнительно-правовым исследованием.

Обобщение знаний о конструкции юридической ответственности, специальной методологии и эмпирического материала дает возможность предложить методику сравнительно-правового исследования общетеоретической модели ответственности в праве. Обозначенная методика будет охватывать:

определение правовых систем, входящих в объект исследования;

формулирование предмета исследования;

тщательную подборку разноуровневых и качественно разнообразных инструментов исследования (методов и средств);

установление круга источников исследования, подлежащих изучению;

сопоставление нормативных и теоретических моделей юридической ответственности в различных национальных правовых системах;

обобщение полученных результатов и выработку рекомендаций по совершенствованию юридической деятельности в данной сфере;

оценку перспектив и направлений для дальнейших сравнительно-правовых исследований в области установления и реализации юридической ответственности с учетом выводов по итогам исследования.

Доцент Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции в г. Саратове, канд. ист. наук В.А. Затонский посвятил свое выступление антикоррупционной функции правовой политики в сфере юридической ответственности.

В.А. Затонский отметил, что правовая политика в сфере юридической ответственности должна быть сориентирована на выстраивание сильного и эффективного государства как субъекта, способного обеспечить оптимальное качество государственно-правовой жизни и себя самого, и всего общества. Рассматриваемая политика в связи с этим становится одним из важнейших средств реализации данной целевой установки.

Одной из важнейших функций российской правовой политики в сфере юридической ответственности в современных условиях выступает антикоррупционная функция. Современный уровень коррупции в механизме Российского государства вполне может быть квалифицирован как

процесс роста негативной активности части граждан – коррупционной активности, под которой следует понимать осознанную, умышленную деятельность, форму политико-юридического (противоправного, негативно-правового), связанного с профессиональной деятельностью бытия значительной части государственных и муниципальных служащих (их групп), которые целенаправленно действуют, не считаясь с действующим законодательством и нормами нравственности и стремясь любой ценой реализовать свой корыстный интерес, достичь целей, противоречащих общественным и государственным задачам.

Именно недостаточный уровень антикоррупционной активности государственных органов и должностных лиц способствует разрастанию коррупционного сегмента в государственной жизни современного российского общества (во всех ветвях и на всех уровнях власти).

Разрушающий эффект слабости антикоррупционной составляющей в правовой политике в сфере юридической ответственности усиливается и тем, что коррупционная преступность органически связана с преступностью организованной. В криминологической науке коррупция рассматривается как сущностный признак организованной преступности, показатель процесса сращивания групповых преступных формирований, особенно в экономической сфере, с государственными органами и подчинения их своим преступно-корыстным целям. Зачастую чиновники (как в центре, так и в субъектах Федерации, муниципальных палатах) сами выступают лидерами организованных преступных формирований в хозяйственной сфере.

Организованная преступность, непосредственно связанная с коррупцией, стремится обеспечить своё как можно более длительное существование. Именно наличие в государственном механизме коррупционных возможностей делает реальным формирование союза трёх сил – воровского бизнеса, коррумпированного (криминализованного) чиновничества и кровавого (беспредельного) криминала. В реальной жизни каждый из субъектов данного “триумвирата” получает возможность взаимно заменять друг друга. Иными словами, возникает ситуация, при которой исполнение государственных функций своими, преступными средствами могут брать на себя структуры организованного преступного сообщества. Такого рода ситуации время от времени обнаруживаются в различных регионах России.

Очевидно, что союз с криминалом, как и предоставление последнему возможности открыто поставить себя на место защитника законных интересов граждан, продемонстрировать, прорекламировать себя в этом качестве, не может не выглядеть колоссальным парадоксом, подрывающим устои и правового государства, и гражданского общества.

Правовая политика в сфере юридической ответственности непременно должна содержать оптимальный инструментарий, позволяющий обеспечить достаточную последовательность, жесткость и настойчивость в государственном противодействии коррупции.

Доцент Астраханского филиала СГЮА, канд. юрид. наук П.А. Давыдов в своем докладе обратил внимание на юридическую ответственность членов судейского сообщества.

Современное правовое государство не может и не должно существовать без независимой и сильной системы

судебных органов. Указанная система — это ядро, защищающее правовыми средствами прежде всего установленное в государстве право, интересы общества в целом, а также физических и юридических лиц. Несомненно, интересным сегодня является статус судов в системе органов охраны права. Ведь, по сути, именно за ними законодательством закреплена основная правоприменительная деятельность. Однако юридическая ответственность судей и иных работников аппарата судебной системы завуалирована и недоступна для понимания уровня ответственности указанных субъектов за осуществляемую ими на постоянной основе правоприменительную деятельность.

Рассуждая именно о юридической ответственности судей, можно отметить, что они фактически выведены из состава субъектов юридической ответственности. Имунитеты и гарантии, предоставляемые данным субъектам государством для обеспечения их независимости, фактически создают отдельную касту граждан, отделенных от общества и выведенных из числа лиц, несущих юридическую ответственность за свою профессиональную деятельность. В УК РФ предусмотрены статьи, субъектами преступлений по которым могут выступать судьи, однако на практике реальных инструментов контроля судей не имеется. Данные статьи фактически не работают. Кроме того, существует и ряд парадоксальных ситуаций, когда мы можем заключить, что и в гражданском судопроизводстве очень тяжело инициировать исковое производство в отношении не только судей, но и сотрудников суда.

Таким образом, все проходящие в государстве реформы судебной системы направлены на отделение суда от гражданского общества и все большую подчиненность судебной системы исполнительной власти. Да, существуют квалификационные коллегии судей в субъектах Федерации, а также федерального уровня, но на практике общество ощущает, что судьи становятся кастой “неприкасаемых”, они не подотчетны обществу, формы их ответственности непонятны и закрыты. Независимость судебной власти должна реализовываться через отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, но на практике сформирована система, ставящая суды в зависимость от двух других ветвей власти. Гражданское общество должно активнее участвовать в процессе формирования судейского корпуса. Судебная система должна быть в целом ответственной перед гражданским обществом, так как именно его интересы защищаются в суде. Данная концепция отражает сущность правового государства. Судебная власть — это единственный инструмент защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий государства. Именно отсутствие реальной юридической ответственности членов судейского сообщества — главная причина того, что общество перестало доверять судьям и не верит в их независимость.

Судья, конечно, может иметь гарантии и имунитеты, но они должны быть лишь на период его профессиональной деятельности. Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что в Российской Федерации отсутствуют эффективные средства правовой защиты от незаконных действий государства. В частности, имевший ранее место кассационный порядок обжалования судебных актов по уголовным и гражданским делам неэффективен. Российская Федерация в результате установила в гражданском и уголовном судопроизводстве апелляционный порядок, но сегодня существенных изменений не произошло. На

практике, как и раньше, вторая инстанция редко изменяет решения нижестоящих судов или исправляет их недочеты, а иногда и явные ошибки. При отсутствии реальной юридической ответственности у судей перед гражданским обществом у них имеется ответственность ведомственная, которая подчиняет их системе и делает не служителями права, а сотрудниками огромного бюрократического аппарата.

Механизм формирования судейского корпуса, а также правовые основы деятельности судов при отправлении правосудия не создают достаточной независимости судов от исполнительной и законодательной власти. Объединение судов общей юрисдикции и арбитражных судов не привело к унификации судебной системы, так как в виде альтернативы действует Конституционный Суд РФ, решения которого в большинстве своем направлены на формирование судебной правовой политики.

Заведующий кафедрой “Конституционное и административное право” Института права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А.А. Мусаткина акцентировала внимание на особенностях механизма индивидуализации юридической ответственности.

По мнению автора, механизм индивидуализации юридической ответственности есть составная часть механизма правового регулирования. В таком механизме сам принцип индивидуализации юридической ответственности действует не непосредственно, а опосредованно через систему различных правовых норм, он определяет общие направления развития и реализации указанного правового требования. Известно, что отправным элементом механизма правового регулирования является норма права, а в случаях с юридической ответственностью ее особая разновидность — норма юридической ответственности. Посредством регулятивно-статической функции права и юридической ответственности в нормах юридической ответственности закладываются основы для будущей индивидуализации на уровне реализации права. Учитывая, что ответственность в данном случае рассматривается как статутная, в которой predeterminedены две ее формы реализации — позитивная и негативная, то индивидуализация юридической ответственности начинается прежде всего с четкого определения прав и обязанностей субъектов правоотношений, и только в случае совершения правонарушения для индивидуализации юридической ответственности приобретают значение относительно-определенные и альтернативные санкции. Наличие альтернативных санкций — одна из основ индивидуализации юридической ответственности. Таким образом, если законодатель не будет соблюдать требование об альтернативности или относительной определенности, то невозможно реализовать в практической деятельности и принципе индивидуализации юридической ответственности.

При этом важно соблюдать “золотую” середину, в действующем законодательстве не должно существовать избыточной альтернативности, а также чрезмерно расплывчатой относительной определенности санкций. Так, ч. 6 ст. 13.5 КоАП РФ (злоупотребление свободой массовой информации) предусматривает наказание в размере от 100 000 до 1 000 000 руб. Как верно было замечено, тот или иной вид правонарушения обладает типовой общественной опасностью, получается, что типовая общественная опасность “размывается” в столь неопределенном административном наказании. При этом в КоАП РФ, в отличие от УК РФ,

менее детально закреплены сами правила назначения наказания, что дает больше оснований для субъективизма органа или должностного лица, назначающего наказание. Это только один пример, но такие ситуации стали в действующем законодательстве не исключением (отдельной ошибкой), а системой. Отсутствует согласованность административных штрафов и с системой штрафов уголовных, когда максимальный размер штрафа административного выше минимального размера штрафа, предусмотренного УК РФ. Получается, что складывается бессистемная «система» наказаний в российском праве. Это обуславливает необходимость реформирования существующей системы наказаний, что, в свою очередь, выступает важным направлением правовой политики в сфере юридической ответственности.

Доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, канд. соц. наук О.Н. Коржигов остановился на месте и роли охранительной функции права в реализации юридической ответственности.

Охранительная функция права отражает наиболее высокий уровень обобщения правового воздействия на общественные отношения. На уровне отдельных правовых институтов она находит свое выражение (конкретизацию) в отдельных подфункциях. В данном случае можно утверждать об охранительной подфункции юридической ответственности, которая выступает частью общего охранительного воздействия права. Однако на уровне института юридической ответственности мы уже рассматриваем ее не как подфункцию охранительной функции права, а как относительно самостоятельное охранительное направление правового воздействия. Охранительная функция юридической ответственности подразделяется на ряд подфункций: превентивную, карательную и восстановительную. В свою очередь, в рамках каждой из подфункций можно выделить более узкие и конкретизированные направления правового воздействия на общественные отношения. Дискуссионным выступает вопрос о наличии у юридической ответственности карательной функции, так как многие ученые утверждают, что данная функция существовала у права на ранних этапах развития государства и до того момента, когда большинство государств мирового сообщества встало на путь построения правового государства. Смысл не в отсутствии кары, а в ее понимании. Кара должна пониматься как гуманное, заслуженное и справедливое воздаяние. Существующие в законодательстве санкции за те или иные правонарушения должны соответствовать критериям справедливости карательного воздействия. В этом смысле некоторые административные наказания по своим пределам не соответствуют характеру и степени общественной опасности совершенных правонарушений. Так, ст. 3.14 КоАП РФ закреплено административное наказание в виде запрета «на посещение мест проведения официальных соревнований в дни их проведения», который устанавливается на срок от шести месяцев до семи лет. Такие длительные сроки наказания не должны быть свойственны административной ответственности.

Более того, встает вопрос об эффективности данного наказания и контроле его исполнения. При отсутствии контроля эффективность наказания будет сводиться к нулю. Для того чтобы надлежащим образом контролировать указанное наказание в любом учреждении, реализующем билеты на соревнования, необходимо установить компьютеры,

подключенные к единой базе данных о лицах, к которым применен указанный запрет. Кроме того, такая база данных должна быть создана и быть единой на всей территории Российской Федерации. Либо такая проверка должна осуществляться при входе в спортивные сооружения. Создание такой информационной системы потребует значительных денежных затрат.

Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, канд. юрид. наук А.Ф. Чупилкина обратилась к вопросу конституционной ответственности высших органов исполнительной власти Российской Федерации.

Позитивная ответственность в своём фундаменте имеет две точки опоры: нравственность и ответственность органов власти перед обществом. Порой же затруднительно такие философско-этические и духовные категории, как мораль, нравственность, формализовать в норме права. Российская проблема – как освободить оценку поведения субъекта права от политического усмотрения. Здесь нужно иметь в качестве ориентира норму права, которая давала бы не только оцениваемому субъекту, но и обществу отправную точку для возникновения конституционной ответственности и её обоснование. Примером в этом плане является неопределённость ответственности Председателя Правительства РФ. Возможность несения ответственности не индивидуально премьер-министром, а Правительством РФ в целом перед Президентом РФ и парламентом на деле остаётся лишь декларативным в силу «усмотрительных», неконкретных положений конституционного законодательства и отсутствующей самостоятельности высших представительных органов страны, избранных с использованием административного ресурса.

Необходимо взять за основу второй фундаментальный ориентир позитивной ответственности – конституционно-правовую ответственность органов государственной власти перед обществом. Можно предложить производить подсчёт итогов деятельности высших органов исполнительной власти, и прежде всего Председателя Правительства РФ, в процентах от ВВП страны или иных макроэкономических категорий. Точкой отсчёта для наступления конституционно-правовой ответственности указанных лиц, соответственно, следует считать падение ВВП на определённый уровень за истекший год. На данном этапе сложно назвать размер падения приведённого показателя, поскольку рациональность и допустимость данного предложения являются предметом для обсуждения не только юристов, но и экономистов.

Старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право» Института права Тольяттинского государственного университета В.В. Степанова и старший преподаватель этой же кафедры Ю.М. Савельев в своем выступлении отметили, что после перехода Российского государства к рыночной форме экономики в стране начали активно развиваться финансовые правоотношения, что повлекло за собой необходимость модернизации и развития финансового, налогового и банковского законодательства. Ввиду значительной доли финансовых правоотношений стала формироваться финансовая ответственность, которая направлена на нормальное обеспечение их функционирования.

Правовая политика в сфере финансовой ответственности выступает частью общего направления правовой политики в сфере юридической ответственности. Правовая политика в сфере финансово-правовой ответственности должна быть научно-обоснованной. Для соответствия критерию научной обоснованности правовой политики в сфере финансовой ответственности прежде всего должны быть определены такие базовые категории, как «структура финансово-правовой ответственности», а также понятие финансово-правовой ответственности. Определение структуры института финансово-правовой ответственности также необходимо для определения поднаправлений правовой политики в данной сфере.

Институт финансовой ответственности обладает сложным строением, в который включены субинституты налоговой, бюджетной, валютной и банковской ответственности. Соответственно, как относительно самостоятельные можно рассматривать направления правовой политики

в сфере налоговой, бюджетной, валютной и банковской ответственности.

Как и все другие виды юридической ответственности, финансово-правовая ответственность тесно связана с иными видами юридической ответственностью, что также обуславливает реализацию системности юридической ответственности в целом. Финансовая ответственность — это самостоятельный институт юридической ответственности, представляющая собой нормативную, формально установленную и гарантированную государством юридическую обязанность субъектов финансовых правоотношений соблюдать предписания норм финансового права, реализующаяся в финансовых правоотношениях, а в случае совершения финансового правонарушения — реализующаяся в охранительном правоотношении финансовой ответственности обязанность правонарушителя претерпеть осуждение или ограничение имущественного или неимущественного характера.